

Яна Дубинянская

НАСЛЕДНИК

Яна Дубиньянская

Наследник

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Наследник / Я. Ю. Дубинянская — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Миром правят деньги — с этим никто и не спорит. Но ведь деньги, тем более бумажные, — чистая абстракция, условность, миф. Как им удастся? В остросюжетной повести «Наследник» все вертится вокруг мифа денег. А действие разворачивается в мифе девяностых — карнавальной эпохе, промелькнувшей буквально вчера, в которой деньги играли особо яркую роль. «Коммуна» — повесть о мире будущего, где стабильность достигнута за счет того, что все граждане несколько раз за свою жизнь проходят сертификацию на предмет соответствия «социальной норме». Тех, у кого выявлены отклонения — от нетрадиционной ориентации до творческих или сверхъестественных способностей, — изолируют в специальных коммунах. Единственное место на земле, где разрешено свободное поселение «коммунистов» — мифический город Париж, где все и произойдет...

© Дубинянская Я. Ю.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Наследник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Дубинянская **НАСЛЕДНИК**

Сборник

Наследник

Старик полулежал, привалившись к таксофонной будке, и небо раскалывалось в его глазах.

Сначала по голубому побежали трещины, как по надбитой яичной скорлупе, затем они набрали формы, наполнились чем-то бледно-желтым, цвета перекаленного песка, эта субстанция перелилась через края и потекла вниз вязкими тяжелыми каплями. Все расплзлось, рушилось, и уже навсегда.

А он мог только бессильно смотреть на это. Понимая, что некому теперь удержать, скрепить, склеить осколки, вернуть как было. И люди проходили мимо, не глядя вверх.

Когда Таня перебежала к нему через площадь, старик был уже мертв.

* * *

– Вижу, вы не верите. Я и сам не хотел верить, да и не поверил бы, если б это обнаружил, скажем, приятель близкого друга моего дяди, а не я сам. Но, увы, эта организация, не будем поминать ее имя всуе, выдает архивы только по личному запросу на руки конкретному гражданину. Иначе я с удовольствием отправил бы в их мрачные подвалы приятеля близкого друга дяди...

Собеседник криво ухмыляется, показывая, что улавливает тонкий юмор. Благосклонно кивает, позволяя продолжение.

– Хотя вряд ли сей гипотетический субъект заметил бы то, что обнаружил я. Для этого нужно отдать много лет любимому делу... вот вы коллекционируете что-нибудь? Картины или, может быть книги?

– Бабки, – решает тоже пошутить собеседник. – И баб.

Приходится дожидаться, пока он кончит ржать и снова будет способен слушать более-менее внимательно.

– Понимаете, эти боны еще до пожара в семьдесят четвертом оценивались на рынке в несколько десятков тысяч каждая. Я имею в виду, вы понимаете, никак не отечественные денежные знаки. Только представьте: власть, продержавшаяся в столице меньше четырех суток, успела отпечатать свою валюту, причем на приличном художественном уровне – это же беспрецедентный в истории...

История собеседника явно не интересует. Подробности следует опустить, а жаль.

– И вот я узнаю, что у гражданина Кацнельсона М.Я. при обыске в тридцать седьмом была обнаружена целая пачка!.. Я узнал их по краткому казенному описанию, это же дело моей жизни, понимаете? А эти... люди при исполнении, они их даже не изъяли, просто отметили в протоколе. Вот тогда я начал плотные изыскания. Подкатился к тете Циле... Вы не оцените моих усилий, вы же не знаете тетю Цилю. И в конце концов получил возможность глянуть одним глазком в бумаги Менделя Яковлевича. Мировой был дед: прошел лагеря, штрафбат, живым вернулся с войны...

Семейная хроника собеседника не интересует тоже. А его время дорого стоит, и он уже поглядывает на часы.

– И представьте себе: Мендель Яковлевич оставил завещание.

Правильное слово срабатывает. На свои массивные золотые часы с четырьмя циферблатами и странноватой надписью «Rollex» собеседник больше не смотрит.

– Оказывается, у него сохранились эти банкноты, уж не знаю, каким образом, даже тетя Циля не знает. В середине восьмидесятых он положил их в банк...

Собеседник хихикает.

– Нет-нет, не в наш, а в швейцарский, ездил туда на конференцию и ухитрился вывезти, не декларируя, понятно, их ценность... В депозитный сейф, или как оно там у них называется. То есть, под них еще идут какие-то проценты. А в пачке пятьдесят банкнот. В прессовом состоянии! Вы представляете себе?!

Теперь на милом интеллигентном лице собеседника имеется явный интерес, в глазах мучительным подсчетом прыгают перечеркнутые вертикально латинские буквы S, точь-в-точь как в новом американском мультфильме. Можно делать эффектный ход:

– И тогда я написал Диме. Вы же знаете Диму?

Значки доллара в глазах собеседника сменяются вопросительными знаками.

– Диму Протопопова.

Собеседник кивает. Диму Протопопова знают все.

Правда, не всем известны о нем столь интимные вещи:

– Внук. Единственный внук Кацнельсона, завещание составлено на его имя. И, представляете, он мне ответил.

Пауза уместна, хоть и до последнего оставались сомнения. Наконец-то собеседник подает голос. Бросает скупую реплику сурового и немногословного человека дела:

– Что?

– Дима написал мне довольно длинное письмо. По электронной почте, у меня она есть, я вам говорил? Там было обо всем: о бонистике, о дедушке Менделе, о судьбах родины. Но, увы, он не ответил на мой единственный вопрос...

Теперь пауза носит чисто театральный, необязательный характер, но уже можно ее себе позволить:

– Получил – или не получил?

* * *

У Димы Протопопова в его двадцать четыре было больше врагов и завистников, чем у нормальных людей набирается к концу жизни знакомых вообще. С другой стороны, не со всеми своими завистниками и врагами он был знаком лично – это его знали все. Недруги называли Диму хамом, скопидомом, выскочкой и жидовской мордой – и были правы по всем пунктам. Этимологию Диминой фамилии они выводили не из священства, а из анатомии, смешно замечая одну из многочисленных «п»; впрочем, намекали, что фамилия у него ненастоящая. Хотя на самом деле все было сложнее.

Дима был худ и нескладен, в быту заносчив и хмур, неприлично много матерился и никогда не давал в долг, хотя зарабатывал тоже, по слухам, неприлично много. Так что друзей у него практически не было.

Любили Диму только девушки и телекамера. И если относительно девушек враги завистливо кивали на размеры Диминого носа, то с камерой дело обстояло и вовсе непонятно.

Когда Дима Протопопов халтурки ради снялся в рекламе «ООО-Инвеста», телезрители не только незарастающей тропой понесли туда свои денежки, подгоняемые инфляцией – но и, по многочисленным признаниям, даже остросоциальную программу «Объективная правда» включали ради этого ролика в рекламной паузе. На «Объективной правде» Протопопов трудился выпускающим редактором, о чем знали только самые преданные его враги и поклонницы, досматривавшие до титров. В кадре же Дима солировал на другой телепрограмме – в игре «Города». «Города» показывали по пятницам сразу после программы «Время» – и в это время по всем городам и весям страны падала преступность и возрастала рождаемость, не говоря уже о познаниях в географии.

Игру в города, вернее, играть в них по телевизору Дима Протопопов придумал сам. Но если бы эта мысль пришла в голову кому-то другому, вряд ли что-нибудь получилось бы. Без Диминого телеобаяния (совершенно незаметного в жизни, во всяком случае мужчинам) экзотическая затея с телевизионной игрой, понятно, не имела бы никаких шансов.

В рекламе, все увереннее затоплявшей эфир, Дима мелькал время от времени и дальше, даже после того, как «ООО-Инвест» рухнул с большим шумом в прессе вместе со всеми деньгами вкладчиков. Кроме того, его фамилию можно было встретить в новом молодежном еженедельнике «Заря мажора» (где именно Протопопов провел сенсационное журналистское расследование дела «ООО-Инвеста»), а также в популярных газетах «Потустороннее в жизни» и «Невероятное о сексе». Последнее издание его недруги читали с особенным вниманием, гадая, какие из описанных эпизодов и практик имели место в Диминой жизни, а где он беззастенчиво врет.

Протопопов носился с идеей открыть собственное средство массовой информации (колеблясь между телеканалом и глянцевым журналом по западному образцу), но денег ему все равно никто не давал. В личной беседе с потенциальными инвесторами Дима производил впечатление мрачного зарвавшегося юнца, по-ихнему фраера – каковым, по сути, и являлся.

Так или иначе, работал Дима много, за что был достоин как минимум уважения – но никто его особенно не уважал, причина указана выше. Куда он девал деньги, оставалось непонятным: девушки любили Диму так, за красивые глаза (глаза были и вправду большие, темно-бархатные и очень красивые, но на работе, не считая эфиров, Протопопов носил близорукие очки). Об уровне его доходов завистники и враги могли только догадываться, чем и занимались с переменным успехом.

А у Тани с Димой был роман. Давно, когда она только приехала в столицу и ничего не понимала в жизни.

* * *

– Я тебе не позволю!

– Ты мне что? – осведомилась Таня.

Ее жених осознал свою ошибку и попытался задним числом сменить стилистику:

– Танечка... не надо, я тебя прошу.

Но было поздно. Жених ей в этот раз попался столичный, с отдельной квартирой и недавно подаренным родителями пейджером, и поэтому ему многое воспрещалось, гораздо строже, чем предыдущему, из студенческой общаги. Чтобы не слишком наглед.

– Ты же не знаешь этих людей, – умоляюще сказал жених. – Мало ли чего они еще захотят.

– Не беспокойся, – снизошла Таня. – У меня своя голова на плечах. И нет возможности работать по благу у знакомых. Если б собирались кинуть, не заплатили бы аванс.

– Мало ли откуда у них деньги...

В общем, жених зарвался. И остался один в своей квартире с пейджером и без малейшей уверенности, увидит ли он Таню когда-нибудь еще.

А она, звонким цокотом сбегав вниз по лестнице, прямо от подъезда замахала рукой проезжающим мимо иномаркам. Таня уже зарабатывала достаточно, чтобы никогда и ни за что не ездить на метро.

Назвала водителю адрес и принялась глядеть на проплывающий в окне большой город, который хотела когда-то завоевать – и завоевала без проблем. И в нынешнюю авантюру ввязалась, понятно, не ради денег, а просто потому что если долго не ввязываться в авантюры, пропадает кураж и сбивается нормальный жизненный ритм.

Ее ждали. Прямо у входа под арку, потому что, объяснил ожидавший охранник в камуфляже, иначе она по-любому бы заблудилась. Больше он не сказал ничего, как Таня ни старалась его разговорить – наверняка афганец, они все такие.

Они действительно черт-те сколько плутали внутренними дворами, обходя опрокинутые мусорные баки, распугивая бездомных кошек и робких бомжей. Но здесь, в столице, на Танин взгляд, даже такие вот трущобы выглядели куда позитивнее, чем главная улица ее родного города (сорок тысяч населения и закрытый в позапрошлом году завод). Там казалось, что пропало вообще все и уже навсегда. Здесь из любой трущобы уверенно находился выход.

И сейчас они тоже в конце концов куда-то вышли, она даже примерно запомнила дорогу.

– А дальше на второй этаж и там налево, – сказал ей афганец и остался охранять подъезд.

Изнутри он был традиционно расписан матами и буквами «С» в треугольных кавычках, но с тех пор, как Таня пришла в большую столичную журналистику, ведомая уверенной рукой Димы Протопопова, ее трудно было удивить и отпугнуть каким-либо интерьером. И правда: когда она прошла в самый конец левого крыла, наткнувшись по дороге раз на детскую коляску и другой на лыжи, то сразу же уткнулась в кислотных цветов наклейку с ободранным краем:

МОДЕЛЬНОЕ АГЕНТСТВО «ОТ КУТЮРА»

* * *

Танин жених, владелец кроме прочего шведской иномарки «вольво» в хорошем состоянии, провел в боковом переулке, откуда хорошо просматривалась арка, поглотившая Таню с афганцем, ровно два часа семнадцать минут. После чего его терпение исчерпалось, а беспокойство зашкалило. И он уже решительно распахнул дверцу автомобиля, когда из-под арки показалась Таня.

Очень странно – она была одета по-другому. А именно: в бирюзовые лосины и фиолетовый блейзер до пупа, а обута вообще в дикие босоножки на толстенной платформе. Но главное, она опиралась на руку джинсового блондина под два метра ростом! (Танин жених имел корректные метр семьдесят семь, по поводу чего никогда не комплексовал). Они пошли по улице под ручку, и «вольво» двинула было следом – или прочь отсюда, он еще не решил – когда вдруг заметил, что это вовсе не Таня.

Таня возникла в арочном проеме через три минуты. Тоже в бирюзовых лосинах и фиолетовом блейзере, которые сидели на ней, кстати, не в пример лучше, с той же прической хвостом и в таких же дымчатых очках. И тоже с блондином в «монтане», правда, чуть пониже, и они демократично держались за руки. Вышли и направились в противоположную сторону.

Затем арка выпустила еще одну парочку, аналогичную по всем параметрам, но этого Танин жених уже не видел.

* * *

Бумажные деньги – самая философская вещь, какую придумало человечество. Ничто более точно не отражает мироздание во всей его относительности, непрочности и вместе с тем неуязвимости. Монета чеканится на века и благополучно переживает их, неуклонно возрастая в цене за счет древности и редкости, добавляемых временем к благородству металла. Нумизмат всегда в ладах со временем, оно играет на него и никогда – против.

Бонисту приходится быть философом. Он живет в зыбком, неверном мире, где нет ничего прочного – в том числе и времени. Ценность коллекции сцеплена с историческими коллизиями самым неоднозначным и причудливым образом. Сохранность ее напрямую зависит от бес-

пощадного течения и превратностей прошедших лет. А сюрпризы непредсказуемы, как сама жизнь.

Чистая условность – наделять кусок бумаги ценностью золота. Любая бумажная валюта – результат договора между людьми, а любой договор рано или поздно будет нарушен. Меняется власть, обваливается экономика, проводится денежная реформа или перестает существовать страна – и вот у вас на руках вместо обеспеченной старости и будущего детей и внуков оказывается некоторое количество никчемной резаной бумаги. Ею можно оклеивать сортир или растапливать печь, и многие разоренные и отчаявшиеся во все времена поступали именно так. Не подозревая, что работают на меня, на ценность моей коллекции. Проходит время, и разоренные купюры, не доставшиеся огню и режущим предметам, подвальной сырости и крысиным зубам, снова обретают цену, куда более высокую, чем их первоначальный номинал.

Если монета – по сути скульптура, маленький барельеф, то бона – прихотливый графический лист, и мало какая графика может сравниться с ней по совершенству замысла и исполнения. Во все времена человеческая сущность противилась противоестественному феномену покупательной способности простой бумаги – и всеми силами наделяла бумажные деньги художественной ценностью.

Податливо гнутся прозрачные пластиковые листы альбома. Кредитный билет 1872-го с портретом великого князя Дмитрия, не самая редкая бона, но очень выразительная: этот полуповорот головы, этот надменный взгляд. В подписи управляющего Анникина есть что-то дерзкое, почти хулиганское: угловатое летящее «а», размашистый завиток. Тоже недорогая, но любимая моя «катенька», екатерининская сотня, на которой у государыни трогательный, едва ли не смущенный девичий вид. А вот истинная драгоценность, облигация семнадцатого: сохранность так себе, оторван уголок и рядом два чернильных пятнышка, – но это та самая, из уничтоженного тиража, с красноречивой опечаткой в имени Дзержинского...

А это откуда в моем альбоме?!.. видимо, сунул машинально между листами еще тогда, когда ездил к тете Циле. Тьфу ты. Немедленно убрать.

Несерьезно маленький бумажный квадратик с шестью издевательскими нулями, дикое лилово-зеленое подобие примитивнейшего дизайна – профанация самой сути бумажных денег. Сто процентов, так называемые «купонокарбованцы», тьфу ты, не выговоришь, а в народе просто фантики, не продержатся долго, равно как и так называемая страна, где их отпечатали. Но обретут ли они от этого в будущем коллекционную ценность? Сильно сомневаюсь.

Бонисты – хранители самого мироздания, по договору с вечностью условно облеченного в форму таких нежных и бранных на первый взгляд банкнот. Но есть в бумажных деньгах неодолимая сила, это они, а не рукописи, по-настоящему не горят и не пропадают в сырых подвалах. Рано или поздно, самыми извилистыми и невероятными путями они все-таки приходят в мою коллекцию.

И, возможно, именно поэтому до сих пор не рухнул с концами столь же непрочный и условный мир.

* * *

У Димы Протопопова надрывалась мобила. Денег на ней почти не оставалось, и Дима страдал, раздумывая, брать или не брать. Конечно, все-таки ответил – и конечно же, это оказался не спонсор, а ровно наоборот.

– Нет, – бросил отрывисто, без мата: по мобиле Дима всегда был предельно краток. – Может, завтра. Звони.

Ответной реплики он не дослушал.

Надо было что-то делать. В качестве «чего-то» Дима набрал номер спонсора и снова услышал про «вне зоны». Вообще-то зона по спонсору плакала давно, и Дима знал, когда согла-

шался, его неоднократно предупреждали, что этот запросто может кинуть, – но почему, [... ..], именно сейчас?!

Последнюю фразу он выговорил вслух, как раз когда вошла секретарша Лиля со шлейфом запаха «нескафе». Приняла на свой счет и попятилась за дверь.

Сегодня у Димы Протопопова еще была секретарша, был свеженабранный штат журналистов, операторов и видеоинженеров, был менеджмент и был проект. Проект по его собственной, крутой и революционной идее. Ну да, общими контурами она несколько напоминала увиденное когда-то в гостях у Шурки на его коллекционной кассете программ «Би-Би-Си», которую тот, лоснясь и раздуваясь, крутил по видеку в избранном кругу, – но в нашей стране до такого пока не додумался ни-кто! И не додумается ближайших лет пятнадцать, Дима мог поручиться, у него на такие штуки имелся безошибочный нюх. Короче, надо было что-то делать для спасения проекта – и Дима понятия не имел, что.

Позвонил телефон на столе, и Протопопов со зверским наслаждением рванул трубку: кто бы то ни оказался, он попал. По обычному, особенно офисному, телефону Дима краток не был.

Попала Анжеличка, Димины актуальная. Выслушав неизбежное хорошо если на треть, она что-то невразумительно прорыдала и бросила трубку. Коза, с ненавистью подумал Дима. Немного нежности ей – посреди рабочего дня!..

Кроме всего прочего, у него был сегодня вечером эфир «Городов». Несколько секунд Протопопов с наслаждением смаковал иллюзорную возможность положить с прибором на эти [... ..] «Города» и не явиться в прямой эфир. И дома по телику полюбоваться на заставку, которой они будут лихорадочно крыть.

Послышался короткий бабий перевизг, и ворвалась Элла с подводками. У Эллы, старой полковой лошади и бывшего диктора Центрального телевидения, было хобби – растаптывать на скаку хрупкую Лилию, особенно если та оказывала сопротивление. Но подводки Дима и вправду требовал показать как только, так сразу, и Элла умчалась победительницей.

Черкая зеленой пастой теплые, подкрученные по краям новенькие компьютерные распечатки, Дима на мгновение позабыл обо всем – и представил, как это будет, и офигел от собственной крутизны. Вся же, вся абсолютно, оптом, страна подсядет, влипнет намертво, станет смотреть, не отрываясь, как «Рабыню Изауру»! И набавлять громкость, и бегать в туалет в рекламную паузу, и на следующее утро взахлеб обсуждать в транспорте, в очередях и на работе: кто, с кем, каким образом и за кого. Куда там драным и уже, честно говоря, примелькавшимся до оскомины «Городам»...

Спонсор прохлаждался вне зоны. О чем пока не знали журналисты, операторы и видеоинженеры, не знал менеджмент и даже секретарша Лиля. А дыры и кретины, позавчера прошедшие кастинг – тем более.

Сегодня у Димы был первый съемочный день. И съемки, [... ..], должны начаться!!! – несмотря ни на что.

Мобила взорвалась в его руках, и Дима ответил сразу, машинально, не раздумывая.

– Ты идешь?! – гаркнул Цырик.

Протопопов отозвался предельно кратко:

– Иду.

Но никуда не пошел. Поскольку в ту минуту, когда Дима швырял в пасть раскрытому дипломату стопки нужных и ненужных распечаток, в кармане его летнего кашемирового пальто завибрировал пейджер.

Сообщение, как всегда, [... ..], прошло максимум до половины. Но этой половины – четверти, трети? – Протопопову хватило.

Он стоял посреди кабинета, читал пейджер и думал. Пока не заглянула с каким-то idiotским вопросом Лиля, на которой можно было сорваться и оторваться, вырываясь заодно из мертвого ступора.

А текст был буквально такой:

ОТДАЙ ПОЖАЛЕЕШ ВЕДЬ КАЦНЕЛЬСОН СУКА ЖИДО

* * *

В редакцию Таня забежала в нарушение контракта, пока рабочие монтировали петеэску, операторы курили в теньке, рыба в линзах отошла к таксофону звонить, а симпатичный Антон пообещал, что не выдаст.

Никаких особенных дел у нее в редакции не было, но жениху все же удалось раскачать ее нервы на предмет опасности авантюры, и Таня хотела показаться народу: сегодня с утра она еще жива – на случай, если что.

Народу, понятное дело, в такую рань не оказалось. Громоздились на столе расчерченные от руки макеты вчерашних полос: ответсек Пал-Семеныч не признавал компьютеров, держал у себя пачку фломастеров и считал колонки в строках, а не в тысячах знаков – и никогда, кстати, не ошибался. Принтер был завален распечатками приколов из Интернета, которыми админы Вася и Жорик каждый раз его загружали четко под сдачу номера, вызывая нецензурные вопли новостийщиков со второй полосы; когда неторопливый струйник справлялся с задачей, ни новости, ни приколы уже никому не были нужны. Они обильно устилали подоконник, весь в сигаретном пепле и в кольцах от кофейных кружек. Танина была с лягушкой «Никогда не сдавайся». Не мылась она тоже никогда.

Таня выглянула в окно. Рыба еще не вернулась, операторы подозрительно сгрудились в кружок за углом, а симпатичный Антон слонялся туда-сюда, периодически попадая в солнечные квадраты между домами, и тогда ярко вспыхивала мобилка – он крутил ее то на пальце, то на запястье. Антон успел рассказать Тане, что учится в строительном ПТУ, а город, откуда он приехал, назывался чуть ли не Задрючинск, точнее она не запомнила. Но в новенькой «мон-тане», со стильной стрижкой и фирменным телефоном Антон выглядел так, что полюбоваться на него было бы полезно и Таниному жениху, и всей редакции.

Мобилку им вообще-то выдали одну на двоих, с правом трех звонков. Но юноша возрадовался настолько, что Таня и не претендовала.

Тем временем в коридоре хлопнула дверь, и появился Кирилл. Репортер Кира был Танин давний враг и завистник, уверенный, что ее до сих пор ведет по карьерной линии незримая рука Димы Протопопова, с которым он, кстати, вместе учился на журфаке (она сама, если уж на то пошло, после восьми классов и педтехникума в родном городке не училась нигде и не собиралась). Недавно Кирилла, а не Таню, назначили делать еженедельную полосу расследований и сенсаций, и он весьма пакостно торжествовал. Но как свидетель, если что, годился.

– Салют, – сказала Таня на опережение. – Поработать пришел?

– Поработать, – мрачно бросил Кира. – Однако ты вырядилась, подруга. По кофейку?

Таня не отказалась. На мышьяк у Кирилла ни в жизнь не хватило бы духу.

Сидя на подоконнике и прихлебывая из душильницы-лягушки, Таня демонстративно следила взглядом за симпатичным Антоном. Хоть бы голову догадался поднять, дурачок.

Но Кирилл сообразил и так:

– Твой, что ли?

– Да, – рассеянно бросила Таня. – Сейчас убегаю. Хорошо, что с тобой пересеклись. У тебя ничего новенького?

Она подставлялась сознательно, потому что ее задание, сопряженное с данной авантюрой, было одобрено Главным, и Кира мог засунуть свою начальничью самодеятельность очень и очень далеко.

– Есть пару идей, – начал было Кирилл; но не повелся, умный, сволочь. – Ладно, я сам. А ты подумай на будущее: может, копнешь опять ту свою темку любимую, помнишь, с которой ты к нам пришла? Про твоих, как их там... нумизматов?

Это был точный и точечный удар. И зря она думала, что он забыл.

Таня поставила чашку и прыгнула с подоконника.

Кирилл смотрел насмешливо и злобно.

– Бонистов, – все-таки поправила она. – Нет. Я за эту тему больше не возьмусь.

– Почему это? – издевательски осведомился Кира.

И Таня сказала, почему.

* * *

Больше всего это напоминает собрание тайного ордена, скрытое от глаз непосвященных. Аналогия, возможно, поверхностная и декоративная, но более точной не найти все равно.

Аллея парка запятнана солнцем, под ногами шуршит мелкий гравий и потрескивают первые сухие листочки, тонкий намек на приближение осени. Нахальные голуби толпятся на пути, лишь в самый последний момент соизволяя отойти в сторонку. Голубей кормит маленький мальчик, рассыпая из пластмассового ведерка крошки хлеба, наполняющие его доверху. Его бабушка на ближайшей скамейке периодически покрикивает поверх книжки «Марианна и герцог» с роковой брюнеткой на обложке. Рядом в новой польской коляске спит младенец, его длинноногая мамаша неприлично долго щебечет по мобильному телефону.

Дальше следуют несколько лавочек с шахматистами. Эти тоже образуют подобие тайного ордена, хоть и заметно пониже рангом, вроде гильдии ремесленников против дворянского собрания. Многие меня знают и приветствуют со старомодной шахматной вежливостью, спеша тут же вернуться в свою недоигранную партию, наивную модель настоящей игры.

Еще в этом парке издавна встречаются приверженцы однополой любви, «голубые», как сейчас почему-то говорят. Раньше они маскировались, стараясь ничем себя не выдать, и было любопытно вычленив, отличить на глаз... Теперь эти существа носят пергидрольные локоны до плеч, качают серьгами в ушах и обжимаются тут же, на скамейках. Тьфу. Но от них все равно ничего не зависит в мироздании.

А вот и «барахолка», так народ метко и язвительно окрестил место встреч коллекционеров антиквариата. Когда-то и они претендовали на тайную и высокую миссию хранителей памяти и времени, – но не теперь, когда в ряды истинных ценителей истинных ценностей, простите мне шероховатый каламбур, влились мутным потоком случайные неудачники, стремящиеся подзалатать зияющие дыры своего жизненного краха продажей дедушкиных часов или прабабкиного лорнета. Так в подпольном цеху разбавляют хорошее вино подкрашенным сиропом с уксусом, и от вина остается одна этикетка. Они и сами это понимают. Здороваясь, виновато прячут глаза.

Меня обгоняет человек в линялой китайской тенниске, его спортивная сумка топорщится квадратным краем, и я точно знаю, что там лежит кляссер с монетами. Нумизматы – отдельная каста, и нам с ними, в общем-то, нечего делить. Но провожая такого взглядом, все же испытываешь странное чувство, сродни легкой, растворенной почти до прозрачного, смеси пренебрежения и зависти. Их мир линеен и прост, он движется от прошлого к будущему с той же неизбежностью, что и небесные тела по своим математически просчитанным орбитам. Я бы даже сказал, это идеальный мир. Задуманный кем-то красивый и точный прообраз; однако его отпечаток на объективную нашу реальность ушел от него очень и очень далеко. Настолько, что практически потерял жизнеспособность. Если бы не мы.

– Вас не было в прошлую пятницу, – обернувшись, с едва уловимым оттенком обвинения бросает нумизмат.

– Уезжал по делам.

По моему корректному тону становится понятно, по каким именно. Человек в тенниске поспешно кивает и отходит к лавочкам, присоединяясь к группке таких же, как он.

Я прохожу еще несколько метров. Это здесь. И я пока один.

Присаживаюсь. Мимо проходят, держась за руки, парень с девушкой, красивые и глупые, как сама юность. Ноги девушки бесстыже обтянуты от сих до сих блестящим трико бирюзового цвета: новая мода, а называется «лосины», прямо указывая на времена, когда облегающие штаны для военных шили и вправду из лосиной кожи. Не бывает ничего нового, возвращается все, выходит на который круг, и с каждым витком нарастает энтропия, повлиять на которую можем только мы. Не всегда. Отнюдь не всегда, увы.

Я уже вижу вдалеке Виталия Ильича. Киваю, делаю ладонью приветственный знак.

В этот момент девушка оборачивается и, кажется, принимает мое приветствие на свой счет. Улыбается в ответ. Ее лицо наполовину скрыто за большими дымчатыми очками, и все равно мне кажется, будто я где-то встречал ее раньше. Но даже если и так, не мог же я ее запомнить – такую глупую и молодую.

– Рад видеть в добром здравии, – с трогательной учтивостью здоровается Виталий Ильич, и легкий тремор в уголках губ выдает, насколько ему не терпится перейти к делу. – Принесли?

Я вынимаю альбом.

– Не пресс, – извиняюсь заранее, как требует того наша цеховая вежливость. – Но состояние хорошее, увидите.

– В прессовом этих бон, боюсь, и не осталось, – сочувственно говорит он. – Разве что в коллекции у Тронского, но он не продаст.

Вздыхаю с усмешкой:

– Трудно иметь дело с Тронским.

Все это слова, слова, слова. Они не значат ничего – и все-таки должны быть произнесены: чтобы сцепилось, сдвинулось, заработало, чтобы свершился ритуал. Когда коллекционная бона переходит из рук в руки, меняя владельца, происходит тот самый момент перераспределения и балансировки, позволяющий приблизить мир к равновесию. Разумеется, это мелочи, незаметные колебания – но даже и они могут попасть в резонанс и оказать решающее воздействие на могучие процессы, о которых большинство не догадывается вовсе, а полную их картину не представляет себе никто.

Виталий Ильич счастлив. Рассматривает новое приобретение, влюбленно шурясь на солнце сквозь близорукие очки. Я прячу полученную от него сумму в карман, не пересчитывая: наша миссия с годами вырабатывает великолепное презрение к деньгам как банальному средству платежа.

Тем временем подходят и другие, свои, проверенные люди. Здороваются, рассматривают новоприобретенную бону Виталия Ильича, высказывают суждения о ней и на общие темы.

– Вы слышали? – вдруг спрашивает один. – Они ее готовят. Уже скоро.

Порыв ветра гонит по гравии сухие листочки, кричат дети, шумит дорога за углом, – и все эти звуки перемалывают, стирают в порошок, втягивают в себя то длинное слово, которое он только что произнес.

* * *

Танин жених не считал себя вправе потерять их из виду, и вскоре «вольво» начала сильно усложнять ему жизнь. Пришлось припарковаться в неполюженном месте и сбежать, не дожидаясь неприятностей.

Таня и блондин успели уйти далеко, он еле догнал их, свесив набок пересохший язык. К счастью, в конце парка, возле клумбы, они уселись на лавочку, хорошо просматривавшуюся

из-за живой изгороди. Конечно, на него, присевшего за кустиком, косились с явными подозрениями, но Танин жених сделал вид, что вполне цивилизованно ищет оброненные ключи.

Блондин держал Таню за руку. Вернее, это она сжимала зачем-то пальцами руку блондина. Что-то ему говорила, длинное, без единой паузы на ответ. После чего они встали и снова пошли.

Кстати, жениха Тани звали Артем. Но ей не нравилось его имя.

Он как раз вылезал из-за изгороди, когда мимо, прямо по дорожке парка, прогрохотал микроавтобус, на трапециеобразной заднице которого маячила знакомая всей стране квадратная единица – эмблема телеканала. Выбравшись, столкнулся лицом к лицу со старушкой, прошипевшей что-то возмущенное про совесть; Артем не понял, относится ли это к телевизионщикам или к нему.

Он снова припустил бегом и догнал парочку в критическую минуту: они как раз садились в пойманную машину. Таня договаривалась с водилой – в знакомой и всегда возмущавшей жениха позе, изящно изогнув поясницу и выпятив задницу, что в этих ее диких босоножках и лосинах выглядело совсем уж запредельно. Договорилась, села назад, к блондину, и хлопнула дверцей. О том, чтобы вернуться к «вольво», не было и речи. Как только они отъехали, Артем тоже бросился голосовать, но, конечно, потратил на это куда больше времени.

К счастью, у него была хорошая зрительная память, а впереди на дороге – не так уж много машин.

– Жэна? – понимающе спросил водитель кавказской национальности.

– Невеста, – честно сознался Артем.

– Зачэм тэбэ такой нэвэста? – прозвучал философский вопрос.

Артем не был уверен, что знает, зачем.

Момент, когда они затормозили и вышли, он чуть было не пропустил. Выскочили буквально на ходу, потому что встать там было негде: участок дороги полукругом загромождали шестисотые мерсы и навороченные джипы. Кавказец не рискнул проделывать тот же трюк, и в результате Артему пришлось возвращаться метров на двести назад.

Но увидел он их, слава богу, сразу. Таня и блондин сидели за столиком в баре, у самой стеклянной стены, чем значительно облегчали ему задачу: он мог, почти не вызывая подозрений, слоняться по противоположной стороне улицы, пригибаясь за автопарком посетителей бара. Назывался бар, кстати, «Сто баксов». Артем предположил, что это размер минимального счета, и с ненавистью уставился на блондина сквозь темноватое, возможно, пуленепробиваемое стекло. Впрочем, пули под рукой у него все равно не было.

А события в баре развивались так.

Подошел официант. С ним долго и мило общалась Таня, а блондин напряженно глядел в окно, так что Артем считал правильным спрятаться за деревом. Затем, в ожидании заказа, блондин барабанил пальцами по столу, а Таня снова болтала, бурно, тоже не без нервов, жестикулируя. Им принесли по пиву; блондин облился. Затем выставили на стол кучу всякой еды, и Артем на расстоянии оценил счет: никак не меньше ста баксов. Будучи юношей из хорошей новорусской (а вернее, старой номенклатурной) семьи, он ориентировался в ценах.

Затем Таня поднялась и вышла, вероятно, в туалет. Не было ее долго. Пришел официант, убрал посуду, пришел опять с кожаной папочкой. Блондин заглянул в нее и тут же захлопнул, словно школьница, которой подсунули порноснимок. Естественно, через пару секунд заглянул еще раз.

По улице прогромыхал троллейбус, и когда Артем снова увидел окно и столик, блондина за ним уже не оказалось. Секунды через две он вышел, воровато оглядываясь, из дверей бара, и ненавязчиво заспешил по улице прочь.

Кипеж поднялся через пару минут. Из бара выскочили официант и двое квадратномордых вышибал, огляделись по сторонам, заметили вдалеке блондина и ринулись в погоню. С

оглушительной сиреной подрулил очередной мерс, остановился поперек дороги, из него высыпались, матерясь, многочисленные братки в черной коже, Артем и пересчитать их не успел. Он мучительно решал: бежать, куда все побежали – или остаться здесь, на посту? Ведь Таню он с тех самых пор не видел.

Нерешительность всю жизнь его подводила. Прошла куча времени, братки и вышибалы вернулись (судя по мрачным мордам, не поймав), а Таня так и не появилась. Не исключено, что она успела проскочить в те несколько минут, когда он отправился было догонять.

...За дворник «вольво» заткнули штрафную квитанцию, и Артем с наслаждением порвал ее в клочья, хотя обычно честно платил. Сел за руль и рванул с места, распугивая голубей.

Он ехал по вечернему уже городу и строил неубедительные планы мести, когда вдруг – именно вдруг, как здасьте! – заметил впереди Таню с ее блондином. Разумеется, стоило прибавить скорость, как они нырнули в одну из многочисленных темных арок, ведущих во внутренние дворы. Хорошо, что наблюдательный Артем успел заметить ориентир: припаркованный рядом лунно-белый в сумерках микроавтобус с единицей на задку и дверцах.

Когда он вбежал под арку, драка была уже в разгаре.

Трое или четверо – сосчитать снова не удалось – дубасили блондина, тот, Артем отдал должное, довольно внятно сопротивлялся. Таня стояла в сторонке, под стеной, и вопила на грани ультразвука: таких воплей за все полтора месяца знакомства он, жених, ни разу от нее не слышал.

А у Артема был, между прочим, второй юношеский разряд по самбо. Перебросив через плечо первого хулигана, он заломал руку второму, тут же с готовностью осевшему на землю, подступил к третьему, самому понятливому и потому испарившемуся на месте, – и так практически по трупам геройски приблизился вплотную к блондину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.